

Диакон Григорий Слуцкий

Deacon Gregory Slutsky

**ПИСЬМА СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА
К МИТРОПОЛИТУ ЛЕОНТИЮ (ЛЕБЕДИНСКОМУ)**

**LETTERS OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE TO
METROPOLITAN LEONTIUS (LEBEDINSKY)**

Аннотация. Настоящая статья представляет цикл писем святителя Феофана Затворника к митрополиту Московскому и Коломенскому Леонтию (Лебединскому) (до 1891 г. архиепископу Холмскому и Варшавскому). Переписка охватывает период с января 1885 по июнь 1893 гг. В этих письмах святитель по большей части обсуждает с владыкой Леонтием личные вопросы. В нескольких письмах святитель Феофан поднимает проблему подготовки книги «Евангельская история о Боге Сыне...», а также Толстовства и борьбы с ним.

Abstract. This article presents a series of letters of St. Theophanes the Recluse to Metropolitan Leonty of Moscow and Kolomna (Lebedinsky) (until 1891 Archbishop of Kholm And Warsaw). The correspondence covers the period from January 1885 to June 1893. In these letters the Saint mostly discusses personal issues with Bishop Leonty. In several letters, Saint Theophanes raises the problem of preparing the book «the Gospel story of God the Son...», as well as Tolstoyism and the struggle against it.

Ключевые слова: Феофан Затворник, Леонтий (Лебединский), Лев Толстой, Российский Государственный исторический архив.

Key words: Theophanes the Recluse, Leonty (Lebedinsky), Lev Tolstoj, Russian State historical archive.

В фондах Российского Государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга хранятся документы, содержащие переписку русских иерархов XIX века. Среди них сотрудниками архивной группы Научно-редакционного совета по подготовке «Полного собрания творений святителя Феофана, Затворника Вышенского» были обнаружены и скопированы письма святителя Феофана Затворника к митрополиту Леонтию (Лебединскому). Электронные копии этих писем сейчас находятся в «Феофановском кабинете» Издательского совета Русской Православной Церкви.

Знакомство святителя Феофана с владыкой Леонтием вероятнее всего завязалось в конце 1844 года в Санкт-Петербургской духовной академии, куда на должность бакалавра по кафедре Нравственного и пастырского богословия был переведен иеромонах Феофан (Говоров), и где в это время обучался Иван Лебединский, будущий митрополит Московский и Коломенский Леонтий.

Кроме личного знакомства и переписки святитель Феофан и владыка Леонтий имели и общих знакомых, через которых порой имели возможность что-либо передавать друг другу или справляться о здоровье друг друга. Среди них можно выделить Ольгу Степановну Бурачок, Николая Васильевича Елагина и др.

Переписка охватывает период с января 1885 г. по июнь 1893 г., т.е. со времени управления Преосвященным Леонтием Холмской и Варшавской епархией и практически до кончины владыки Леонтия.

Большинство писем святителя к Преосвященному Леонтию носят личный характер. В них Феофан Затворник обсуждает с Леонтием свое здоровье, новости, произошедшие в России и Русской Церкви. Но среди них есть несколько писем, затрагивающих вопросы, которые особенно волновали святителя. Так, ряд писем посвящен набирающему обороты лжеучению Толстого. В них Феофан Затворник говорит о пагубности этого учения и необходимости борьбы с ним. Также в нескольких письмах святитель обсуждает с владыкой Леонтием подготовку ряда своих произведений, таких как «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложения словами святых Евангелистов», вышедшая в 1885 году, и перевод «Невидимой брани» старца Никодима Святогорца, начавшей публиковаться в журнале «Душеполезное чтение» в том же 1885 году.

Письма святителя Феофана к митрополиту Леонтию (Лебединскому) приводятся ниже.

№1

14 января 1885. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь!

Искреннюю приношу Вам благодарность. Премного утешен. Без Вашего заступления, кажется, пришлось бы мне испытывать то, чем угрожали <вести>. А это было бы очень прискорбно. Потому что писалась История хоть недолго, но устанавливалась очень долго. Сколько было думаний и раздумываний, перестановок и передвижений! Наконец-то послал мне Бог этих несколько руководительных правилец, — и дело тотчас пришло в строй. Теперь для меня всякое событие Евангельской истории имеет свое определенное место. Когда бы так было и для читающих!

Теперь бы следовало писать размышления, беседы и рассуждения по течению сей истории; да лень — поперек дороги...

Испрашивают корректуры и меня озабочивает, — и я просил о. Редактора «Душеполезного чтения» поискать там — не найдется ли какой для этого дела у них корректор — папа. Но все же как своего глаза нет, приходится оставить дело на волю Божию. Господь да воодушевит избранного ревностью к непогрешимой исправности.

Примите мои полные Вам благожелания, Владыко святой, и не забудьте меня многогрешного и многонемощного в молитвах своих святых.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою, — Епископ Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 1–2.

№2

3 сентября 1885. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь!

Давно собирался я сказать Вам: здравствуйте, — и послать 2 т. До-

бротолюбия; но что сделаешь с леностию? На силу собрался. Прошу принять. Там прилажена еще кое-какая мелюзга — перепечатки.

В настоящее время меня занимает много религиозный башибузук гр. Лев Толстой. Его мудрования — бред белогорячечного; между тем он считает их верхом премудрости и имеет решимость распространять. И распространяет секретно в рукописях.

Я имею под руками: 1) Евангелие Льва Толстого — искажение подлинных Евангелий; 2) «В чем моя вера?»; 3) Исповедь... как он дошел до настоящего сумасбродства. Тут в рукописях поминается еще — 4) О критике Церковных догматов, — которой я еще не достал, но имею надежду достать. Она главная. В тех рукописях, как есть только перечисляются бредни без доказательств, а тут, верно, они доказываются.

Вот его бредни: не верит он в Пресв. Троицу, ни в воплощение Сына Божия, ни в Воскресение Христа Спасителя; поносит Церковь Божию всячески. Она у него извратительница учения Христа. Он Таинств благодатных отвращается и спокойно говорить о них не может. Вместо Бога у него есть какое-то неопределенное начало жизни, осуществившееся в мире. Бога внешнего нет; Он в природе и в людях. Христос — Сын Человеческий есть общечеловеческий разум или общечеловеческая жизнь. Кто усвоит эту жизнь, тот по смерти сливается с нею, а кто не усвоит, тот уничтожается. Существо жизни христианской определяется следующими 5-ю правилами: 1) Не противься злу: бьют, грабят, режут, — молчи и терпи; 2) Суды противны закону Христову; 3) Всякого рода клятва и присяга не должна быть терпима; 4) лишение человека жизни по суду или на войне есть убийство; почему войны и след. войска не должны иметь места между христианами; 5) развод не должен быть допускаем даже по вине прелюбодейства: брака у него нет, а с какою связался, с тою и живи всю жизнь. — Эти пункты развиваются и доказываются в статье «В чем моя вера?». Тут же по местам и прочие бредни приводят-ся, но без разъяснений и доказательств. — Устроение жизни по сим пунктам он считает источником верховного счастья на земле. У него цель земной жизни — уничтожение личности...

Зачем это я Вам пишу? — Вы страж дома Божия; а стражу закон: глазок смотрок! Присылавшие мне статьи, прописывали при этом, что оный Лев рыкающий литографирует свои статьи за границу, в

десятках тысяч экземпляров и разбрасывает их по России. Хотя я и в этом очень сомневаюсь, потому что кого ни спрашивал, все отвечали, что литографий никто не видал: однако ж, невозможным этого считать нельзя. Но, всяко, рукописи расходятся и с ними и бредни распространяются; бредни же, как видите — иные сразу видны, а другие могут показаться не бреднями. След., глазку-смотроку стоит на все это обращать свою зрительную силу. Ах! — пропустил я главное, — что «Христово учение едва ли можно найти в чистом виде. Если есть оно, то только в Евангелиях. Но и в Евангелиях не все истинно. Истину в них надо отыскивать. Портить учение Христово начали еще Апостолы, особенно Св. Павел, а потом Церковь доканала...».

Можно ли бояться беды от Льва? — Зло прилипчиво. Хотя не так быстро, а все же, вероятно, бредни эти распространяются... И враг есть... При маловерии нашем — не знать что может случиться. В Казани, во время собора, на вечерней беседе с раскольниками, о Церкви, — выступил какой-то и сказал: «Докажи мне, что говорит о Церкви из Евангелия, — из одного Евангелия без апостолов». Там порешили, что это малоканин. Но малокане все Писание принимают... Это Львовское мудрование...

Кончаю. Поимейте во внимание прописанное.

Прошу Ваших молитв о моем всеокаянстве. Господь да благопошешит Вам во всем!

Преданнейший Вам слуга Е. Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 3–4 об.

№3

22 декабря 1885. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь!

Чсть имею поздравить Вас, Владыко Святый, с праздником Рождества Христова и с новым годом наступающим.

Да посылает Вам Господь все, чего желает душа Ваша, и сердце Ваше да преисполняет непрестанными утешениями.

Прошу извинения, что так долго не отзывался на последнее письмо Ваше. Была причина, — смешно сказать, какая, — та, что все

ждал, вот-вот напишу Евангельскую историю и пошлю Вам. А с нею там какое-то искушение случилось, и не шлют. Уж месяца полтора, как книга закончена и отослана в цензуру для получения билета на выпуск. Что там такое, — спрашиваю.

Там одну статейку я предположил перенести на другое место и велел пропечатать это вместе с опечатками. Уж не заставило ли это цензуру проводить книгу в Св. Синод? Как только получу книгу, тотчас пришлю Вам.

Преосвященный Виталий приезжал. Он очень мне полюбился и по доброте своей и, особенно, по ревности к делу Божию. Благослови Господи его усилия!

И Ваши усилия да благословит Господь! Много Вам работы. Но когда есть плоды, и так очевидные, то при этом труд не в труд. Помогай Вам Господь!

Вы писали, что бредни Льва Толстого от Вас далеко. А Витебск Далеко?!.. Туда уже пробирается она и вызвала на бой Остроумова (в жур. «Вера и разум»). Зараза обычно быстро расходуется. И Москва проснулась. О. прот. Нечаев, редактор «Душ. чтения», держал чтение в собрании ревнителей в защиту судов. Перейдет ли он и к другим пунктам? Когда бы! — У меня 5 главных рыканий; но он рев свой простирает и на все хр. догматы: ибо как был, так и остался безбожником.

Пишете, что не читали его бредней. Не о чем жалеть. Однако ж, стражам надо подмечать всякую пролетающую птичку... Если хотите, я пришлю Вам, что у меня есть. Прочитавши возвратите.

И еще всех Вам благ от Господа желаю и прошу не забывать меня в св. молитвах своих, и уверенными быть — в глубоком уважении и искренней преданности, с коими имею честь пребывать Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою Епископ Феофан.

P.S. Только что кончил «Невидимую брань» старца Никодима Агирита. Нечто в том же роде начато и еще... Потом, м. б., конец».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 5–6.

**8 января 1886. Письмо епископа Феофана к Леонтию
(Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому**

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь!

Получил я, наконец, книги. Задержка была от дурности типографии. Пролетную почту я послал Вам в Ваше распоряжение пять экземпляров. Прошу принять снисходительно. В конце прибавлена новостъ: нашлось место, где следует поместить возвращение 70-ти апостолов; я это и указал в виде дополнения.

Отвозивший почту, привез Ваше письмо. Благодарствую.

Вы правду говорите, что писать, если охота, никому так неправильно, как нам напокойникам. Но относительно пользы от писательства сравнительно с правительственным действием Вы неправое выразили суждение. Писание-думание, как чему лучше быть, а действие — проведение того в жизнь. То воздух, а это земля с произрастениями и живыми творениями.

Преосвящ. наш Виталий полюблен в Тамбове, и по Епархии, где был он виден. Да его и нельзя, думаю, не любить по его достолюбезному нраву и по образу действия. Его предшественник тоже был любим; он симпатичен и в действии очень осмотрителен. Консistorии ходу не давал, и многое прямо решал. Это нравилось.

Вы поминаете о газетном случае относительно Толстого. Надо удостовериться повернее, точно ли в Америке есть то, о чем пишут. Мне сначала уши прожужжали, крича, что десятки тысяч литографий пущено в ход. А выходит — это <пуп>. Нигде никаких литографий не видно. Есть кое где рукописи... Если исповедь, и в чем моя вера — не напечатаны; то как возьмутся за их восхваление американцы?! Всего вероятнее, сам Толстой или приятель его какой пустил эту вестъ по газетам... и все тут.

Остроумову пока не над чем погарцовать. Ибо исповедь ничего почти не содержит серьезного — в начале. К концу он найдет вещи для серьезного препирательства. И, я думаю, что он это сделает. Первые статьи и мне показались слабыми, только перепечатка рукописи; а вот последняя ноябрьская статья очень задирает... и бьет больно. Если тут он нашел, чем заняться, то под конец найдет больше предметов, достойных внимания.

Что сказать Вам о себе? Здоровье совершенно в порядке; но глаза — неисправны. Полагаю, что к концу этого года и другой глаз хоть будет еще видеть, но работать с ним едва ли уж будет возможно. И вот когда наконец буду жить на покое.

Недавно кончил «Невидимую брань». Начал нечто подобное переводить с другой — чужой книги. Помог бы Бог кончить. Эта книга больше той, раза в три-четыре...

Прошу Ваших Св. молитв. Благослови Господи все труды Ваши! Преданнейший Вам Е. Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 7–8 об.

№5

7 мая 1886. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь!

Христос воскрес!

Поздравляю Вас с светлым Праздником Воскресения Христова. Желаю Вам всего, что Вам самим желательно; да благословит Вас Господь всяким благословением.

Виноват, что опоздал. Но хоть это и поздно; однако ж, все в пределах Праздника.

Приношу благодарность за Ваши мне благожелания. При этом напоминаете, не пора ли снять катаракт. Пора-то бы — пора; но у меня такой катаракт, который не допускает операции. Я показывал его доктору. Но хоть бы и допустима была операция, я не хочу принять ее; потому что она очень разрушительна: разрезавают яблоко и вынимают хрусталик, который потом заменяют очками. Бельмо (внешний катаракт) снять больно; а какое страдание, когда резать станут яблоко и выпихивать хрусталик?! От одной мысли об этом волосы дыбом. — Потому мне приходится заранее помириться с слепотою...

Конечно, знаете уже о смерти Высокопр. Серафима. Такого великого Пастыря лишилась Ваша родина! Кого-то Бог пошлет. Мудрый Архивладыка наш... уж подыщет подходящего. Очень жалею, что Пр. Серафим отошел так скоро.

Задонская Черничка трусит... Авось перемены не коснутся ее положения. Слышали конечно, что она теперь ворона в павлиньих перьях. Я ее так прозвал, хоть это, может быть, не нравится ей. Господь да управит путь ее!

Про Петербургскую ее тетку слышал, что она переменяется к лучшему и собирается оставить С.П.Б. Я не понимаю ее, как бы следовало.

Здоровье мое по-старому.

Но лень!! Ой! ой! ой! Избави Господи всякого татарина от такой тиранки. — Браню; а как подойдет с своими ласками, руки пошвам.

Будьте, Владыко, всегда здоровы и веселы. Прошу не забывать меня в молитвах Ваших...

Ваш всеусердный доброхот Е. Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 9–10 об.

№6

2 ноября 1888. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь! Неоднократно доходили до меня Ваши мне благожелания и свидетельства о добром Вашем ко мне расположении.

Приношу искреннюю благодарность за сие утешение.

Когда дошла весть о Вашей встрече Государя Императора и до нас; в радости за Вас я тогда же хотел писать... Но как не написал, то теперь поминаю, как я радовался о сем.

Варвара Васильевна писала, что Вы едете в С.П.Б... и, вероятно, уже Вы там. — Как Питер радуется, Бога благодарит и Государя ублажает, по случаю дивного спасения Его и всего семейства Царского!!! В первый раз было легкое о сем напоминание; и я не моргнул. Но когда потом все более и более раскрывалось, волосы дыбом. Какой страшной беды избавил Господь всех нас!!! Надо нам не молчно к Богу вопиять, благодарные вознося песни! Что-нибудь вложить бы в ектении, хоть на одной Литургии. Например, на сугубой ектении, после: еще молимся о благодати...и пр... За спасение благочестивого Государя нашего благодарим Господа! Ответ всею церковию: слава Тебе, Господи! Слава Тебе! и земной поклон всею церковию.

Так во всю жизнь Государя... Никогда ведь еще не было такой беды... и такого дивного спасения!

Нынешним летом Преосвященный Виталий приезжал к нам в обитель... Он и меня утешил... Благослови Господи труды его. Он видит многие улучшения по епархии, чему нельзя не радоваться. Но и трудится он добре! Из нас, предшественников его, никто так не вооружался против сектантов, как он... и не словом, а делом. Наша обитель — лучшая по устройству... и он тут отдыхает сердцем.

Мое здоровье в порядке... И глаз остальной все еще служит добре. Питаю надежду, что он прослужит до толе, пока не закроется навеки, и что потому нечего думать об операциях и ужасах их.

Примите, Владыко святой, мое искреннее Вам желание здоровья и спокойствия душевного. У кого-то была поговорка: Варшава — шершава! Если и для Вас она шероховата, то прилагаю молитвенное благожелание, да избавит Вас Господь от нее.

Примите уверение в глубоком Вам уважении и искренних благожеланиях.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга Епископ Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 11–12 об.

№7

27 декабря 1888. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь!

Честь имею поздравить Вас с светлым праздником Рождества Христова.

Радостей и утешений духовных желаю Вам всеусердно.

Шлю Вам иконку небольшую святителя Митрофана, моего собственного рисования.

Прошу покорно принять на молитвенную память.

Это копия с иконы, которая давно у меня. Не знаю, кто мне ее доставил, но с нею соединено след. сказание. В Воронеже был живописец, которому пришло неудержимое желание написать подлиннейший образ Святителя... постился, молился... и удостоен явления Святителя в сонном видении... По сему видению тотчас написал

он лик, совершенно похожий на виденный во сне... С тех пор, все писал и писал. И другие писали, ему подражания; но так написать, как он, никто не мог. Из написанных им иконок — та, что у меня последняя. Живописец скончался.

С сей-то иконки копию препровождаю к Вам. Она очень похожа; но и уступает — не в рисунке, а немного в выражении, побольше же в цвете лица, до которого я дойти не мог. — Но он все же схож.

Склоняюсь на признание верности сказания, особенно в отношении к лику. Лик надо было видеть, чтоб нарисовать; прочее все могло быть и так, и иначе.

Докучаю Вам сею иконою, полагая, что Вам приятно будет видеть ее и иметь.

Чтоб вынуть иконку из ящичка, надо отвинтить одну из двух досточек, привинченных сверху и снизу.

Нарисовано на тонкой досточке, но прочной. Это американский дуб...

О себе самом мне сказать нечего. Все по-старому.

Дал бы Бог, чтоб желания Ваши исполнилось относительно глаза моего. Мне иногда приходит на мысль, что ухудшение его остановилось. Но бывает и противное. Буди воля Божия!

С тех пор, как я взялся и окончил Добротолюбие, совсем отвык от писательства: все перевод и перевод, — и одного исключительного рода.

Благослови Вас Господи всяким благословением.

Прошу Ваших святых молитв.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший и усердный добротехот

Е. Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 13–14 об.

№8

9 февраля 1892. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), митрополиту Московскому и Коломенскому

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь!

Я так долго не беспокоил Вас письмом, потому что у Вас душа, предполагалось, полна существеннейшими делами, которыми Вам

надлежало заняться, чтоб поставить себя к ним лицом к лицу в подобающие отношения. Теперь я думаю этот облак немного разределся и душевная атмосфера стала свободнее, чтоб иной раз принять во внимание и сторонние предметы.

Что особенно желательно бы знать, это как все обставилось вокруг Вас, и как течет, задирая и раздирая, или елеем помазуя. Мое желание, чтоб отсюда приликала Вам радость и от всего мир внутренних не разорялся, а созидался.

Мне очень желательно было знать, как удалось Вам перешагнуть Казбек и что это был за Казбек? Вар. Алекс... помянула что-то, я просил подробностей, а она ни гу-гу. За это ей послана угроза эпителиею из всех тяжелых тяжелою, если она не исправит своей погрешности: ибо если не хотела всего сказать, не следовало и намекать. Если Вы полагаете, что земля не распадется, если скажете мне все, одолжите меня рассказом.

Вы помянули про мухоморов. Это сергиевцы?! Да, они удовольствовались. Отец Наместник добрейший старец... Он, кажется, не по своему желанию писал, а побужден настоятелем; а сей взял копию, чтоб показать пр. Антонию, ректору. Проглядывает тут намерение — не можно ли напечатать, а, может быть, и наместник поставлен писать с этою же целию... Теперь конец. Наместник согласился думать, что Ангелы и душа — духовного естества, но имеют эфирную оболочку или тело, посредством коего они и делаются видимыми. Так думают и многие из отцев.

Приношу Вам всякую благодарность за доброе внимание к Варваре Васильевне... Она премного утешена этим. Продолжите к ней свое внимание. Она давно расслаблена. А тут этот случай с нею скорбный. Теперь совсем отшатнулась душою от Задонска... и все уже переслала в Козельщанскую обитель; а сама осталась у соседней помещицы до апреля, пока погода станет мягкою. Адрес в Задонск: Ржавец (село или деревня — 7 верст от Задонска или от скита).

Вы были больны. Да оздоровит Вас Господь! А у меня вот другой год с позапрошлого года, ноября — головокружение. Боли нет в голове; но кружение, от которого упасть можно если не ухватиться за что. При том, голова бывает тупа, беспамятна и не хочет делать ничего. — Перемежка бывает не более, как на один день.

Всецедрый Господь как облаком да осенит Вас милостями своими.

Не забывайте меня в молитвах.

Ваш усердный и искренний доброхот Е. Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 15–16 об.

№9

16 июня 1893. Письмо епископа Феофана к Леонтию (Лебединскому), митрополиту Московскому и Коломенскому

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь.

Столько времени порывался писать к Вам и все не решался, слыша, что к Вам не пишут... Наконец слышу, что некто писал к Вам, и Вы подписали ответ, написанный с Ваших слов.

Слава Богу!

Благодарные наши молитвы давно уже идут к Богу; не молчит и молитва о довершении Вашего оздоровления. Да речет и Вам — здрав буди, Кто рече и быша — вся от мала до велика?

Больше ничего не умеем сказать Вам еще кроме разве желания, чтоб вокруг Вас устроился безмятежный покой, и извне и со-внутри.

У меня все прекрасно... Ничего не могу делать — и я бездельствую.

Афонцы перепечатывают кое-что из старого, и я пересматриваю то.

Примите мои полные Вам благожелания, — и не забывайте меня в св. молитвах своих.

Вашего Высокопреосвященства искренний доброхот Епископ Феофан».

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 17–17 об.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Письма епископа Феофана (Говорова) к митрополиту Московскому и Коломенскому Леонтию (Лебединскому). // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 1–17 об.